

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ КНИГИ

В 1978—1979 гг. Мераб Константинович Мамардашвили прочел студентам Всесоюзного государственного института кинематографии курс лекций о современной европейской философии (весной 1979 г. он параллельно читал курсы «Лекции по античной философии» и «Введение в философию» в этом же учебном заведении). Примерно в 1980 г. я получила от него один из экземпляров расшифровки этого курса — именно этот экземпляр лег в основание работы по подготовке лекций к изданию; недостающие страницы были восстановлены по экземплярам, принадлежащим Наталье Рязанцевой, Владимиру Майкову, Александру Пигалеву (все эти экземпляры идентичны); несколько страниц удалось восстановить лишь по экземпляру расшифровки, переданному из Тбилиси Изой Константиновной Мамардашвили, то есть непосредственно из архива моего отца (этот экземпляр также идентичен исходному).

Всегда испытываешь чувство невосполнимой утраты, когда приходится работать с расшифровками аудиозаписей лекций М. К., не имея самих аудиозаписей. По своему личному опыту сверки расшифровок с аудиозаписями могу сказать, что качество расшифровок (сделаны ли они при жизни или вскоре после смерти М. К. — это не меняет сути дела) неравнозначно и варьирует от курса к курсу, от лекции к лекции и даже от пассажа к пассажи. В большинстве случаев расшифровки как будто рассчитаны на *присутствие автора*. Фактически слово в слово расшифрованные лекции (или фрагменты лекций) соседствуют с лекциями (или фрагментами лекций), где нерасслышанные или непонятые слова и целые предложения в лучшем случае заме-

нены знаками вопроса или многоточиями, в худшем — перед нами неправильно воспроизведенные слова, неверные связки и согласования; кроме того, при работе с текстом можно обнаружить никак не обозначенные пропуски слов, словосочетаний и целых предложений, и так далее, и так далее. Конечно, причины таких дефектов разные — спешка, плохое качество аудиозаписи или элементарное непонимание текста, но главное — это расчет на то, что в любом случае *автор* сам исправит все неточности и ошибки расшифровки. И действительно, в архиве М. К. сохранились не только примеры его авторской переработки текста расшифровок, но и примеры восстановления аутентичности текста, то есть исправления слов, их согласований, восстановление пропусков и прочее (безусловно, М. К. не нужно было для этого прослушивать собственные лекции).

Что сегодня может и должен делать редактор? В первую очередь — прослушать аудиозаписи и создать *дословную* расшифровку, заново расшифровав записи или внося исправления и уточнения в ту, которая сохранилась в архиве. Только после этого можно редактировать текст — очень осторожно и помня о скромной роли редактора. Редактировать блестящую речь М. К. нетрудно. Что можно сделать, когда нет аудиозаписи и очевидны недостатки не правленной автором расшифровки? Во многом это работа знакома любому редактору, но в какой-то части она неизбежно становится исследовательской. Я не буду подробно останавливаться на особенностях работы с не правленными М. К. расшифровками (отмечу только, что все фрагменты расшифровки, для редакции которых было неизбежно превышение редакторских полномочий, изъяты и помечены знаком <...>, кроме того, угловыми скобками обозначены места, где все еще остаются сомнения относительно точности текста, и, наконец, в квадратные скобки взяты вспомогательные редакторские вставки, а также слова и словосочетания, которые возникли в предположении, — все эти предосторожности связаны с недостатками самой расшифровки) — это не входит сейчас в мою задачу, — а хотела бы обратить внимание на то, что в архиве М. К. сохранились не все аудиозаписи. Возможно, мое, хотя и не слишком подробное, объяснение с читателем привлечет внимание к существующей проблеме и среди слушателей М. К. найдут-

ся люди, которые пожелают обнародовать сохранившиеся у них записи.

Что касается публикуемого текста, то расшифровка лекций о современной европейской философии достаточно неоднородна по качеству, поэтому редактирование некоторых лекций потребовало особого внимания и дополнительных усилий. Так, например, оказалась плохо воспроизведена лекция 22 — о структурализме; количество неправильных согласований, искажений, пропусков слов и так далее в этой лекции, пожалуй, наибольшее по сравнению со всем корпусом «Очерка современной европейской философии» и может сравниться с объемом такого рода проблем в части лекций «Опыт физической метафизики. Вильнюсские лекции по социальной философии». Редакция этой лекции на последних этапах работы согласовывалась мною с Олегом Аронсоном, которому, пользуясь возможностью, я выражаю благодарность за добрую память о моем отце и готовность, с которой он неизменно откликается на мои просьбы о помощи.

Пристального внимания и последующих консультаций потребовали также и некоторые другие лекции: например, с неточностями воспроизведены отдельные пассажи из лекций, посвященных феноменологии, психоанализу, экзистенциализму, неопозитивизму¹. Я выражаю признательность Виктории Файбышенко, которая поддержала меня советами во всех тех случаях редактирования текста, когда, заботясь о смысле (его, как известно, можно потерять в результате даже незначительных манипуляций с текстом), я не считала возможным принимать единоличное решение. Виктория также разделила со мной составление справочных примечаний. Лекции читались студентам ВГИКа — людям, которые вряд ли обладали каким бы то ни было знанием философского контекста, значимого для мысли М. К. Пропедевтическая ориентация лекций предопределила основную функцию примечаний: краткое справочное разъяснение, о ком или о чем упоминается в тексте лекции, сосредоточенное на

¹ По сравнению с первой публикацией «Очерка современной европейской философии» (М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2010) в настоящее издание внесены исправления. Правка сделана по аудиозаписи 7–11 лекций, недавно обнаруженной в архиве М. К.

том аспекте предмета, который важен для сюжета лекции (задача создать исчерпывающий свод примечаний нами не ставилась).

Искренняя признательность Эльфиру Сагетдинову, который взял на себя труд прочесть текст и поделиться своим мнением относительно редакции лекций, непосредственно затрагивающих работы Мартина Хайдеггера.

Аудиозапись и первоначальная расшифровка интервью «Одиночество — моя профессия...» предоставлены Улдисом Тиронсом, и я рада поблагодарить его за сотрудничество.

Сердечная благодарность Валерию Подороге и Андрею Парамонову за персональное содействие проекту издания книг «Символ и сознание», «Лекции по античной философии» и «Очерк современной европейской философии» — значение их личного вклада в реализацию проекта трудно переоценить.

И наконец, хочу в очередной раз поблагодарить моих друзей из компании «Радость понимания», и особенно Александра Новикова и Юлию Гойденко, за финансовую поддержку проекта издания работ Мераба Мамардашвили.

Елена Мамардашвили